

на барина. Разумеется, он меня присудил к возврату 3 рублей и к судебным издержкам».⁶

Таким образом, в публикуемом наброске Достоевского, в высшей степени лаконичном по объему, оказались предвосхищены почти все важнейшие темы его публицистики 1870-х годов: отношения России и Европы, восточный вопрос, русские европейцы, народный дух, православные идеалы (Тихон Задонский), мировая политика (Максимилиан) и текущая уголовная хроника (Лебле, Мещерский). Поистине, перед нами не просто локальная запись, но — своеобразный «росток» будущего «Дневника писателя» в целом.

⁶ Там же. С. 79—80.

ДОПОЛНЕНИЕ К РАЗДЕЛУ «ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ И ФОТОГРАФИЯХ 1847—1881 ГОДОВ»

(Публикация Б. Н. Тихомирова)

А. М. Достоевскому

Дорогому, но редко видимому брату Андрею Михайловичу от автора

8 сентября / 72 года.

На оборотной стороне фотографической карточки. Фотография В. Лауфферта (СПб. Бол. Морская, № 32). 1872.

Печатается по автографу: ЦГАЛИ (СПб.), ф. 85, оп. 1, № 141/3.

Фотография с дарственной надписью подарена младшему брату Андрею во время его приезда по делам службы из Ярославля в Петербург. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» встреча братьев зарегистрирована под 9 сентября: «У Д. на обеде — А. М. и Н. М. Достоевские» (СПб., 1993. Т. 2. С. 319). Конечно, можно допустить, что они встречались и накануне — 8 сентября, когда и была подарена настоящая фотография. Но, скорее, это одна и та же встреча. В Записной тетради 1872 года к роману «Бесы» под рубрикой «Дневник» Достоевский помечает: «10 сентября. Письмо от Владиславлева и зов на крестины. Был Страхов, обедал. Вчера обедали брат Андрей и Коля» (27, 105). Именно на этот текст и ссылаются составители «Летописи». Однако названное здесь письмо М. И. Владиславлева датировано отнюдь не 10, а 9 сентября (см.: Летопись. С. 319). Можно предположить, зная обыкновение Достоевского работать по ночам, что запись в рабочей тетради сделана в ночь с 9 на 10 (формально — 10-го) сентября. В таком случае «вчера» как раз и будет 8 сентября — в соответствии с датой, проставленной на фотографии.

Стоит отметить, что публикуемый автограф — единственный случай дарственной надписи Достоевского на фотографии работы Лауфферта (в отличие от многочисленных дарственных писателя на фотографиях работы Досса и Шапиро), а также — самый ранний из известных по времени (за исключением дарственной на фотографии, подаренной А. И. Герцену 8/20 июля 1862 года, которая сейчас хранится в частном архиве в США). Фотография обнаружена мною в фонде А. Ф. Достоевского (внука писателя) в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Можно с большой степенью вероятности предположить, что она попала в собрание А. Ф. Достоевского в 1933 году после смерти его бездетного двоюродного дяди Андрея Андреевича Достоевского (младшего сына А. М. Достоевского), на квартире которого в Ленинграде (Почтамтская ул., д. 5) внук писателя жил с 1930 года, приехав из Симферополя учиться в институте.

Пользуясь возможностью, выражаю глубокую благодарность Элеоноре Викторовне Альбинской за данное ею разрешение работать в фонде А. Ф. Достоевского в ЦГАЛИ (СПб.), а также администрации и сотрудникам архива.

А. Ю. БАЛАКИН

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1

В рассказе «Чужая жена и муж под кроватью» есть одно не проясненное комментаторами место. Разыскивая знакомую даму (как потом выясняется — свою жену), господин в енотах спрашивает молодого человека в бекеше о жильцах одного из домов, и между ними происходит следующий разговор:

«— Вы спрашиваете, кто здесь живет? <...> Здесь... я знаю, что здесь Софья Остафьевна тоже живет, — проговорил молодой человек шепотом и даже с каким-то соболезнованием.

<...>

— Я тотчас узнал от кухарки, что она сюда ходит; но вы не на то напали, то есть не к Софье Остафьевне... она с ней незнакома...

— Нет? ну, извините-с... <...> Но чем же я могу вам помочь?

— А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну... Впрочем, я еще не знаю наверно, куда пошла эта дама...» (2, 52).

Если не знать, кто такая Софья Остафьевна, то опасения господина в енотах и соболезнования молодого человека кажутся не слишком понятными. Однако диалог этот имеет совершенно конкретный смысл. Дело в том, что упоминаемая Софья Остафь-